

ПО ПОВОДУ
КАВАЛЕРІЙСКИХЪ ОЧЕРКОВЪ

КНЯЗЯ Э. ВИТГЕНШТЕЙНА.

Усовершенствованное огнестрѣльное оружіе убѣдило всѣхъ военныхъ людей, что и тактика должна измѣниться. Истина, что образъ дѣйствій всѣхъ родовъ войскъ и самая численность ихъ въ составѣ армій находятся въ тѣсной связи со степенью совершенства вооруженія, давно признана и доказана исторіею. Это подтвердили и послѣднія войны: густыя колонны въ пѣхотѣ, какъ основная сила прежнихъ ея дѣйствій, замѣнились разсыпнымъ строемъ; вслѣдствіе того измѣнился и взглядъ на военное образованіе пѣхотнаго солдата, для котораго мѣткость стрѣльбы, бѣглый шагъ и умѣнье примѣняться къ мѣстности составляютъ цѣль всѣхъ его экзерцицій.

Трудно было полевой артиллеріи уступить то первенствующее мѣсто въ бою, которое она привыкла занимать въ теченіе столькихъ міровыхъ войнъ. Штуцеръ началъ лишать батареи прислуги и лошадей, прежде чѣмъ огонь ихъ успѣвалъ наносить вредъ непріятелю. Явилось даже мнѣніе, что артиллерія вовсе не нужна, потому что не можетъ возратить своего перевѣса въ дальности дѣйствія надъ ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ; однако, практическіе опыты, при помощи научныхъ началъ, опять придали ей важное значеніе введеніемъ нарѣзныхъ орудій.

Одна кавалерія осталась почти тою же, какою была и прежде. Много было говорено о ней, много писано, и, несмотря на все введенное въ ней въ послѣднее время, сравнительно съ прочими родами войскъ сдѣлано очень мало. Всѣ государства требуютъ отъ кавалеріи большей подвижности и, не жалѣя издержекъ, стараются улучшить породы лошадей; но, говоря вообще, радикальной

перемѣны не произведено. Есть только улучшения и болѣе правильный взглядъ на службу и на обязанности кавалериста.

Главная и почти единственная сила кавалеріи заключается въ ея холодномъ вооруженіи. Въ настоящее время, когда вниманіе обращено на введеніе въ арміи усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія, роль кавалеріи не можетъ быть завидна, особенно если мы сами, кавалерійскіе офицеры, не укажемъ на дѣло съ его настоящей стороны. Пока мы не докажемъ настоятельную необходимость въ кавалеріи, безъ которой не можетъ быть ни одного рѣшительнаго сраженія, ни даже успѣха цѣлой кампаніи, до тѣхъ поръ значеніе кавалеріи будетъ постоянно падать въ мнѣніи военныхъ. Намъ придется только жить преданіями прежней славы кавалеріи и незамѣтно перейти къ разряду этапныхъ командъ, конвоирующихъ плѣнныхъ и транспорты съ больными, снарядами и продовольствіемъ. Самою лестною обязанностію останется для насъ развѣдывать днемъ о неприятелѣ, а ночью не спать на аванпостахъ, чтобы, подъ прикрытіемъ нашимъ, пѣхота и артиллерія могли отдыхать безопасно.

Почему же и намъ, кавалеристамъ, не послѣдовать примѣру артиллеристовъ? Почему и намъ не доказать, что значеніе кавалеріи въ составѣ арміи, по вліянію ея на всѣ дѣйствія въ бою, въ войнахъ открытыхъ, а не въ крѣпостныхъ осадахъ и оборонахъ, нисколько не уменьшилось? Въ этомъ отношеніи, значеніе кавалеріи сохраняется болѣе даже, чѣмъ значеніе артиллеріи, которой еще много остается сдѣлать, чтобы возвратитъ себѣ тотъ перевѣсъ, который она имѣла въ наполеоновскія войны надъ пѣхотнымъ ружьемъ. Разсмотримъ все существующее въ нашей кавалеріи, въ отношеніи тѣхъ условій, которыми опредѣляется успѣхъ всякой конницы, для которой не можетъ быть страшна дальность штуцернаго выстрѣла, хотя бы и превышавшая 1,500 шаговъ.

Каждый родъ оружія употребляетъ строй и способы перестроеній и эволюцій не только соотвѣтственно своему вооруженію и степени образованія, но и сообразуясь съ вооруженіемъ и образомъ дѣйствій своего противника. Только въ такомъ случаѣ и можно ожидать, что всѣ выгоды какого либо оружія и превосходство обученія войскъ могутъ принести пользу. Въ пѣхотѣ и артиллеріи прежнее огнестрѣльное оружіе уступило мѣсто новому, самый строй пѣхоты в употребленіе ея въ бою измѣнились, а въ кавалеріи вооруженіе и снаряженіе ея оста-

лись нетронутыми. Именно теперь и необходимо изслѣдовать, до какой степени должны быть они измѣнены, вмѣстѣ съ способомъ употребленія кавалеріи, для того, чтобы удержать за кавалеріей ея прежнее значеніе.

Въ февральской книжкѣ «Военнаго Сборника» текущаго года помѣщена статья флигель-адъютанта князя Эмилія Витгенштейна, переведенная съ нѣмецкаго. Съ большимъ удовольствіемъ я встрѣтилъ въ ней нѣкоторые взгляды, вполне совпадавшіе съ моими убѣжденіями, вынесенными изъ всей моей службы. Но, какъ часто бываетъ, встрѣчая тождество идеи, не всегда находишь полноту развитія ея, что и побудило меня написать эти строки, какъ бы въ дополненіе къ тѣмъ мнѣніямъ князя Витгенштейна, съ которыми я вполне согласенъ, но которыя не получили желасмаго развитія. Тѣмъ болѣе мнѣ пріятно было сойтись во взглядѣ съ этимъ авторомъ, что онъ, воспитываясь въ Дармштатѣ, началъ службу въ дармштатской кавалеріи, хотя немногочисленной, но весьма образованной, и потомъ могъ сдѣлать вѣрное сравненіе, вступивъ въ нашу службу и ознакомившись съ нашею конницею, какъ регулярною, такъ и иррегулярною. Вмѣстѣ съ принцемъ Александромъ Гессенскимъ, князь Витгенштейнъ участвовалъ въ экспедиціи князя Воронцова въ Дарго, въ послѣдней войнѣ командовалъ сборнымъ линейнымъ казачьимъ полкомъ и отличился съ нимъ подъ Башь-Кадыкъ-Ларомъ, Курюкъ-Дара и при осадѣ Карса, за что и награжденъ георгиевскимъ крестомъ. Ему, какъ офицеру дармштатской кавалеріи, могли быть извѣстны всѣ тонкости маневрныхъ требованій и свойства европейской регулярной конницы. Участвуя въ дѣлахъ противъ кавалеріи, въ которой были регулярные полки наподобіе европейскихъ, кромѣ того Курды и баши-бузужи, онъ могъ убѣдиться въ превосходствѣ иррегулярнаго всадника, даже совершенно необразованнаго, надъ плохимъ кавалеристомъ регулярнаго полка. Онъ знаетъ, что линейный полкъ, находившійся подъ его начальствомъ, устремлялся въ атаку послѣ 60-ти-верстнаго перехода. Отъ него не могло укрыться, чѣмъ можетъ быть русская кавалерія, при ея двухъ основныхъ элементахъ — лошади и всадникѣ, если будетъ ей дано соотвѣтствующее устройство, т. е. если будетъ уничтожено въ ней все то, чего война не требуетъ, и привито все то, что имѣетъ для войны ея иррегулярная конница. Въ авторѣ «Кавалерійскихъ очерковъ» мы видимъ образованнаго человѣка, убѣжденнаго, что реформа

въ кавалеріи необходима и что, кромѣ Россіи, нигдѣ это преобразование не можетъ имѣть такого блестящаго успѣха (*).

Говоря о кавалеріи вообще, авторъ «Очерковъ» замѣчаетъ, что, въ настоящее время, ея военное значеніе можно разсматривать въ семи главнѣйшихъ видахъ, и исчисляетъ тѣ случаи, въ которыхъ кавалерія употребляется преимущественно. Эти обязанности кавалерія всегда имѣла, какова бы ни была степень ея образованія. Я понимаю значеніе кавалеріи въ бою несравненно высшее: я убѣжденъ, что именно она наиболѣе способна для нанесенія сильныхъ ударовъ и что результаты, достигаемые ею, всегда рѣшительнѣе, чѣмъ производимые пѣхотою или артиллеріею. Во многихъ случаяхъ, она можетъ быть употреблена даже какъ специальное оружіе для нанесенія удара противнику, хотя бы онъ занималъ позицію и готовъ былъ обороняться. Наполеоновская кавалерія, особенно по способу ея употребленія, стояла далеко ниже нашей кавалеріи, относительно даже настоящей пѣхоты, при нынѣшнемъ превосходномъ ея образованіи и вооруженіи. Между тѣмъ, знаменитая лейпцигская атака вмѣстѣ съ ея отраженіемъ занесены въ страницы исторіи и служатъ указаніемъ потомству, что можетъ сдѣлать кавалерія, употребленная и такимъ образомъ, какъ подъ Лейпцигомъ. Я увѣренъ, что и теперь кавалерія, съ такою же пользою и съ ничтожною потерею для себя, можетъ быть назначена для производства рѣшительныхъ атакъ. Пѣхота съ артиллеріею, при медленности ихъ движеній и при нынѣшней мѣткости выстрѣловъ, каждый шагъ сближенія съ непріателемъ покупаютъ страшною потерею и, если выдержать огонь, вступаютъ въ кровопролитнѣйшій штыковый бой, заваливая поля горами тѣлъ, если же не выдержатъ, то поворачиваютъ тылъ и опять устилаютъ путь отступленія тѣлами, будучи преслѣдуемы штычкернымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Чтобы развязать пѣхоту, вступившую въ дѣло, двигаютъ резервы, которые, въ свою очередь, занимаются тою же продѣлкою, или высылаютъ кавалерію, которая однимъ своимъ появленіемъ приводитъ непріателя въ безпорядокъ, заставляетъ его забыть преслѣдованіе, собирать стрѣлковъ, строить колонны и готовится къ принятію сабельнаго удара. Одно это обстоятельство служитъ доказательствомъ, что

(*) Желаніе редакціи «Военнаго Сборника» исполнилось: опытный кавалеристъ нашелъ, что въ брошюрѣ кн. Витгенштейна есть кое-что заслуживающее вниманія и кромѣ главы о тѣлесныхъ наказаніяхъ, послужившей поводомъ къ одностороннимъ протестамъ.

встрѣча пѣхоты съ кавалерією лишаетъ чрезвычайно важнаго значенія первую, заставляя ее перестраиваться такъ, какъ выгодноѣ ей принять кавалерійскую атаку, а не какъ удобноѣ ей поражать непріятели своимъ огнемъ, т. е. съ перваго же раза выражается превосходство кавалеріи надъ пѣхотою, вынуждаемою подчиниться холодному оружію. Такимъ образомъ, первая встрѣча съ пѣхотою, еще внѣ выстрѣловъ ея, начинается *побѣдою* для кавалеріи, потому что пѣхота должна измѣнить образъ своихъ дѣйствій.

Это даетъ увѣренность еще не бывавшему въ дѣлѣ всаднику въ своемъ оружіи, а у пѣхотинца отнимаетъ вѣру въ ружье, заставляя его искать сомкнутаго строя, защиты своихъ товарищей. Кавалерія не должна терять такого превосходства надъ пѣхотою, такого моральнаго впечатлѣнія на пѣхоту. Она должна немедленно быть введена въ бой противъ непріятели, расположеннаго на позиціи, въ ожиданіи, что противъ него поведутъ атаку пѣхотою. Но, для полнаго успѣха, необходимо, чтобы кавалерія умѣла воспользоваться своимъ моральнымъ перевѣсомъ: это можетъ быть достигнуто только съ лихою кавалерією, которая думаетъ лишь о томъ, какъ бы врѣзаться въ непріятели, настѣсть на него. Это можетъ быть только тогда, когда кавалерію не будутъ изнурять во время войны, какъ случилось иногда у насъ, чаще неумышленно, по неумѣнію ее беречь, и всадники будутъ твердо сидѣть въ сѣдлѣ, не будутъ бояться упасть съ лошади или упасть вмѣстѣ съ нею, отъ ея изнуренія или оттого, что она выступила въ походъ разбитою отъ манежной ѣзды. Такой кавалеристъ, подъ предводительствомъ полковаго командира, молодаго, способнаго на увлеченія, на пылкіе подвиги, отважно кинется туда, куда его поведутъ, не разсуждая объ опасности или о томъ, возможно или нѣтъ исполнить намѣреніе начальника. Полкъ изъ такихъ всадниковъ, атакуя пѣхоту на ея позиціи, потеряетъ много 5 — 6 офицеровъ и человекъ 60 солдатъ, а въ случаѣ совершенной неудачи человекъ 10 офицеровъ и до 150 солдатъ. Но за то, если удастся врѣзаться въ пѣхоту, онъ производитъ въ ней мгновенно полное разстройство, котораго не удастся сдѣлать пѣхотинцамъ послѣ долгаго и утомительнаго боя съ противникомъ. Пѣхота, воспользовавшись этимъ, можетъ проходить безнаказанно раздѣлявшее ее отъ непріятели разстояніе, опрокидывая тѣ части, которыя бы вздумали выручить смятую кавалерією войска.

Кавалерія способна болѣе, чѣмъ какое либо другое войско, опрокинуть противника; но если она не можетъ его преслѣдовать до послѣднихъ силъ, то должна предоставлять дѣло пѣхотѣ. Разстроивъ непріятеля, но не будучи въ состояніи нанести ему еще большій вредъ, или видя какую либо явную для себя опасность, кавалерія, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, должна воспользоваться своею быстротою точно такъ же, какъ и при приведеніи противника въ безпорядокъ. Быстрота отступления въ кавалеріи — ложный стыдъ, который часто является отъ неправильнаго взгляда на его значеніе, что ведетъ нерѣдко къ напраснымъ потерямъ. По моему мнѣнію, регулярная кавалерія должна быть приучаема еще въ мирное время и къ быстрымъ натискамъ, и къ быстрому отступленію; но для того, чтобы солдаты не думали, что за атакою слѣдуетъ непремѣнно отступленіе, которое, по быстротѣ движенія, онъ можетъ счесть за бѣгство, надобно обучать эскадронъ движеніямъ съ мѣста въ каррьеръ къ мѣстамъ, обозначаемымъ отдѣльными людьми, представленными какъ спереди, такъ и сзади эскадрона, въ прямомъ и облическомъ направленіяхъ. Тогда солдаты будутъ понимать, что это дѣлается единственно для того, чтобы эскадронъ выучился собираться, кратчайшимъ путемъ и безъ командъ, къ тому мѣсту, гдѣ будетъ находиться ихъ начальникъ, и быстро выстраиваться для производства новыхъ атакъ. Тогда, для кавалеріи, еще не видѣвшей непріятеля, еслибъ въ первомъ дѣлѣ какой эскадронъ и былъ опрокинутъ, легко будетъ собраться и въ свою очередь разбить противника; тогда она не разсѣется по всему полю битвы, до слѣдующаго утра или полудня. Къ подобнымъ дѣйствіямъ приучается у насъ кавалерія только во время войны, когда частыя сшибки съ непріятелемъ показываютъ ей всѣ случаи, которымъ она можетъ подвергаться. Къ этому слѣдуетъ приучать ее въ мирное время.

Авторъ «Кавалерійскихъ очерковъ», не давая въ своихъ 7-ми пунктахъ должнаго значенія кавалеріи въ генеральномъ сраженіи, высказываетъ, однако, убѣжденіе относительно важности ея для производства рѣшительныхъ атакъ. Говоря о начальникѣ кавалеріи, онъ совѣтуетъ ему: держать кавалерію во время боя подъ рукою, въ массѣ, чтобы, при первой возможности, употребить ее въ дѣло всю, не обезсиленную раздробленіемъ. Со времени наполеоновскихъ войнъ, число примѣровъ употребленія кавалеріи въ значительныхъ массахъ почти исчезаетъ; но слѣ-

дуетъ ли это приписать тому, что такого рода употребленіе ея сдѣлалось въ настоящее время не соответствующимъ, или тому, что въ позднѣйшихъ войнахъ не умѣли распорядиться кавалеріей такъ, чтобы производить подобнаго рода атаки массами? Я стою за послѣднее мнѣніе и, какъ доказательство, привожу примѣръ изъ польской кампаніи, гдѣ четыре эскадрона Малороссійскаго кирасирскаго полка, подъ начальствомъ полковаго командира, барона Мейендорфа, сдѣлали то, чего не могли достигнуть цѣлыя пѣхотныя дивизіи семичасовымъ боемъ. Еслибъ атака кирасировъ была предпринята въ началѣ боя и поддержана всею остальною кавалеріею, результаты сраженія были бы совсѣмъ другіе.

Значеніе же кавалеріи, какъ преслѣдующаго войска, такъ неоспоримо, что ради одной этой причины слѣдуетъ ее держать въ составѣ арміи въ прежней соразмѣрности. Сраженіемъ достигается только разстройство противника, которое неминуемо бываетъ значительно и въ рядахъ побѣдоносной арміи. Устроиться, возстановить порядокъ равно необходимо и побѣжденному, и побѣдителю. У пѣхоты есть предѣлъ силъ, далѣе котораго она не можетъ идти. Въ кавалеріи этотъ предѣлъ несравненно значительнѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ. Преслѣдовать врага, разбитаго въ полѣ, или выбитаго пѣхотою изъ укрѣпленной позиціи, есть обязанность кавалеріи, которая должна имѣть въ виду одно: постоянно тревожить непріятеля, нигдѣ не давать ему устроиться и обратить отступленіе непріятельской арміи въ общее бѣгство. Ей нечего страшиться непріятельской кавалеріи, не для чего держаться сгруппированною; она, какъ лава, должна охватить весь фронтъ непріятельскихъ войскъ, отъ фланга до фланга, отъ ближайшей линіи къ нашимъ войскамъ до вагенбурга противника, вездѣ производя безпорядокъ, уничтожая распоряженія начальниковъ и перехватывая передатчиковъ приказаній. Исторія свидѣтельствуетъ, что тѣ только сраженія имѣли блистательный результатъ для побѣдителей, которыя оканчивались преслѣдованіемъ побѣжденных кавалеріею до изнеможенія ея силъ, и что самое рѣшительное сраженіе оставалось безъ результатовъ, когда у побѣжденнаго оставался перевѣсъ въ кавалеріи. То же примѣняется и относительно кампаніи вообще: всегда та армія имѣла перевѣсъ, въ составѣ которой было болѣе кавалеріи, и притомъ отличной кавалеріи.

Пусть докажутъ намъ фактически, что и эта роль кавалеріи можетъ быть замѣнена пѣхотою или артиллеріею: тогда мы,

кавалеристы, согласимся на то значеніе, которое дадутъ намъ лица, заботящіеся лишь о томъ, чтобы ввести въ войска оружіе, которымъ бы безнаказанно можно было убивать возможно болѣе людей и съ возможно дальняго разстоянія.

Хотя, по нашему мнѣнію, для доказательства, что кавалерія наша можетъ быть доведена до такого совершенства, что для нея не можетъ быть страшна какая бы то ни была дальность наръзнаго ружья, слѣдовало бы обратиться прямо къ разсмотрѣнію матеріальнаго снаряженія кавалеріи и ея обученія, и потомъ уже перейти къ разбору причинъ, которыми создается и повышается духъ кавалериста, но какъ «Кавалерійскіе очерки» вызвали насъ на эти строки, то будемъ, для большей послѣдовательности, придерживаться принятой ихъ авторомъ системы.

Во всѣхъ государствахъ были отличные кавалерійскіе генералы, но немногіе изъ нихъ могли назваться кавалерійскими начальниками, въ строгомъ смыслѣ слова. За исключеніемъ Пятена, Зейдлица и нашего Платова (послѣдній только отчасти, потому что онъ командовалъ одною иррегулярною конницею), мы не имѣемъ типовъ кавалерійскихъ начальниковъ. Отчего же? Оттого, что, кромѣ качествъ, исчисленныхъ въ «Кавалерійскихъ очеркахъ», нужно, при всей осторожности, при умѣнны беречь кавалерію и не подвергать ее напраснымъ потерямъ, утвердить въ каждомъ всадникѣ такое довѣріе къ своему оружію, что для него нѣтъ ничего невозможнаго. Осторожность, хладнокровіе и умѣнне электривозать войска, такъ чтобы они рвались въ бой, а между тѣмъ стояли бы до извѣстнаго момента неподвижно, подобныя качества всего труднѣе соединяются въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Много нужно имѣть такта для того, чтобы излишняя ретивость кавалеріи не обратилась въ ропотъ на начальника, не пускающаго ее въ бой, и чтобы войска не приписали трусости его соображенія. Если кавалерійскій начальникъ долженъ быть полонъ энергіи, находчивости, то это всегда обусловливается физическими силами. Шестдесятъ лѣтъ могутъ считаться предѣломъ боевой дѣятельности кавалерійскаго генерала. Каковы бы ни были его достоинства, лѣта возьмутъ свое: ему уже не подъ силу красоваться на конѣ передъ бодрой кавалеріей. желающей видѣть начальника, который бы однимъ своимъ видомъ воодушевлялъ войска.

Еще хуже стариковъ начальники-педанты, ровняющіе кавалерію по цѣлымъ часамъ или вдающіеся въ такія мелочи, что

подчиненные, исполняя ихъ требованія, теряютъ военный взглядъ на службу и перестаютъ быть кавалеристами. Такіе начальники убиваютъ кавалерію.

Мнѣ всегда казалось страннымъ желаніе нѣкоторыхъ начальниковъ дивизій былаго времени умѣть ковать лучше кузнеца, варить кашу лучше кашевара и кроить мундиры лучше закройщика. Наблюдать, чтобы все это исполнялось въ полкахъ, есть прямой долгъ каждаго начальника; но жѣрять педантически ширину воротниковъ и разстояніе пуговиць между бортами, показывать, какъ должно расчищать копыта, столько же несообразно, какъ спрашивать на экзаменѣ студентовъ: по какой методѣ они учили азбуку, и рассказывать имъ, какая метода лучшая.

Въ доброе старое время, похвала: *«юлькъ хорошо одѣтъ»*, выражала понятіе, что солдатъ затянутъ до послѣдней возможности, полковой цейхгаузъ заваленъ остаточнымъ сукномъ, закройщикъ вѣчно съ разбитымъ лицомъ, а всѣ вообще солдаты утомлены непрерывною пригонкою.

Обязанность начальника кавалеріи, въ отношеніи матеріальной части полка, я понимаю иначе. Его контроль надъ всѣмъ тѣмъ, что поступаетъ въ полкъ на продовольствіе и вообще для его снаряженія, долженъ быть такъ бдѣтеленъ, чтобы солдату и въ голову не могло придти, что онъ или его лошадь могутъ не получить слѣдующаго по положенію, чтобы солдатъ во всѣхъ своихъ начальникахъ, отъ унтеръ-офицера до начальника дивизіи, привыкъ видѣть людей, заботящихся о сохраненіи здоровья его самого и лошади, и о его военномъ образованіи. На сколько этотъ взглядъ еще не проникъ въ наше войско, сколько встрѣчается онъ противодѣйствующихъ началъ, это знаетъ каждый изъ насъ; въ торжествѣ надъ такими враждебными элементами и должна заключаться нынѣ обязанность начальниковъ кавалеріи въ мирное время. Тогда только можетъ образоваться та самоувѣренность въ кавалеристѣ, которую обязанъ внушить всей кавалеріи ея начальникъ и которая въ извѣстныхъ случаяхъ должна доходить до фанатизма. Слѣдующій примѣръ покажетъ, до какой степени простирается иногда эта самоувѣренность.

Въ польской кавалеріи, при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, былъ офицеръ, не получившій особеннаго воспитанія, но храбрый, честный и вполне понимавшій долгъ солдата. Онъ командовалъ школою кавалерійскихъ юнкеровъ; звали его Черномскій. Въ 1830 году ни одинъ изъ кавалерійскихъ юнкеровъ

польских и литовских войск не присоединился къ мятежникамъ. Всѣ они, съ своимъ начальникомъ, остались вѣрными долгу и присягѣ и слѣдовали съ Его Высочествомъ до тѣхъ поръ, пока не отправили ихъ обратно въ Варшаву. Послѣ штурма, закончившаго войну, мнѣ случалось часто встрѣчаться съ Черномскимъ. Однажды я спросилъ его, вѣрилъ ли онъ когда нибудь въ успѣхъ революціи. Отвѣтъ его былъ: «Нѣтъ! особенно съ тѣхъ поръ, какъ назначили главнокомандующимъ Скржинецкаго.» — «Но вѣдь Скржинецкій былъ даровитѣе другихъ.» — «Да, отвѣчалъ онъ, но *онъ изъ яхоты!*...» Въ этомъ отвѣтѣ выразилось глубокое, фанатическое убѣжденіе истаго кавалериста, что только кавалеристъ и есть настоящій начальникъ, что только ему и могутъ быть свойственны доблестные подвиги. Но тотъ же отвѣтъ показываетъ, какъ трудно кавалерійскому начальнику умѣть вселить въ подчиненномъ такую самоувѣренность, и какъ опасно назначеніе начальниковъ въ кавалерію изъ такихъ служащихъ, которые чинъ за чиномъ, извѣстною колеєю, получаютъ это право.

Одинъ начальникъ, безъ свѣдущихъ и усердныхъ помощниковъ, не можетъ достигнуть положительныхъ результатовъ, хотя бы обладалъ самыми блистательными способностями. Эти помощники—полковые командиры и прочіе офицеры въ полкахъ.

Нѣтъ ничего гибельнѣе для кавалеріи, какъ продолжительное мирное время. Ни одинъ родъ войска не можетъ такъ исказиться въ своихъ основныхъ началахъ, какъ кавалерія. Начальники постепенно ослабѣваютъ въ своихъ требованіяхъ, чисто воинскихъ, и незамѣтно подчиняются тому вліянію, въ которое становится полковой командиръ, вслѣдствіе принятой у насъ системы снаряженія и продовольствія кавалеріи. Даже въ настоящее время, хотя и гораздо рѣже, мы можемъ встрѣтить бывшихъ отличныхъ полковыхъ командировъ, которые не могутъ отрѣшиться отъ пріобрѣтеннаго ими на службѣ взгляда, что обязанность полковаго командира заключается въ представленіи начальству отличныхъ мундировъ, вычищенныхъ аммуницій и откормленныхъ лошадей. До полученія эскадрона, офицеръ изучалъ усердно верховую ѣзду, уставы и гарнизонную службу на практикѣ, а, принявъ эскадронъ, узналъ, что лошади и всѣ эскадронныя вещи должны быть сбережены, а люди обучены ѣздѣ. Эскадронъ, дурно ѣздившій, получалъ выговоръ; если лошади не были въ тѣлѣ, у офицера отнимали эскадронъ.

Солдатъ опрокидывался съ лошадыю—полковой командиръ заболтался прежде всего о лошади и рѣдко справлялся, цѣль ли солдатъ. Словомъ, еще съ командованія эскадрономъ водворилось понятіе, что полкъ состоитъ изъ вещей и лошадей, а люди только средство для представленія ихъ на смотръ. Получая полкъ, каждый командиръ окончательно убѣждался, что главная цѣль—строить мундиры, аммуниціи и конское снаряженіе; откармливаніе же лошадей и фронтное образованіе людей всѣмъ бременемъ падало на эскадронныхъ командировъ. Самое строевое образованіе обыкновенно подчинялось лишь тѣмъ требованіямъ, къ которымъ замѣчалась особая склонность начальниковъ, дѣлавшихъ смотръ.

Слава Богу, это уже миновалось; но, чтобы подобныя порядки не возвращались къ намъ, необходимо устранить самыя причины явленія, то есть избавить полковаго командира быть закрыщикомъ и провіантскимъ чиновникомъ. Последняя его обязанность можетъ совершенно парализовать его значеніе въ военное время, какъ полковаго командира. Онъ будетъ на самомъ дѣлѣ провіантскимъ чиновникомъ, заботящимся лишь о продовольствіи лошадей, для чего станетъ отдѣлять до четвертой части людей отъ полка, а на отважные кавалерійскіе поиски, на сшибки съ неприятелемъ будетъ рѣшаться только тогда, когда его заставятъ, когда онъ получитъ *приказаніе*, котораго нельзя не исполнить. То же самое можно сказать и относительно эскадронныхъ командировъ, такъ какъ полковые командиры при посредствѣ ихъ продовольствуютъ полкъ. При этой системѣ продовольствія, начальнику кавалеріи весьма трудно и почти невозможно слѣдить за тѣмъ, чтобы полки выходили въ строй достаточно комплектные. За исключеніемъ лошадей, оставшихся отъ людей, посылаемыхъ эскадронными командирами Богъ вѣсть куда, для приобрѣтенія фуража, остается ихъ еще значительное число отъ заболѣвшихъ солдатъ, такъ какъ трудности военного времени лошадь переноситъ лучше чловѣка. Надобно оставить людей и при этихъ лошадяхъ. Кто былъ въ кампаніи, тотъ видѣлъ, до какой степени кавалерійскіе полки выходили въ строй въ меньшемъ числѣ противъ наличнаго состава, которымъ обыкновенно опредѣляется сила кавалеріи и сообразуясь съ которымъ кавалерія получала различныя порученія. Оттого нерѣдко случалось, что возлагавшіяся на нее обязан-

ности были не подъ силу ей, а всякому извѣстно, что кто хочет имѣть стройную кавалерію, долженъ умѣть ее беречь.

Въ настоящее время, при предполагаемыхъ преобразованіяхъ въ нашей арміи, нѣтъ сомнѣній, что и эта весьма важная часть не будетъ упущена изъ вида. Тогда полковые командиры въ состояніи будутъ обратить вниманіе на боевую сторону своихъ обязанностей.

Всѣ офицеры полка, командующіе и не командующіе частями, должны служить разсадникомъ полковыхъ командировъ; но у насъ только немногіе изъ нихъ дослуживаются этого званія. Большая часть изъ нихъ выходитъ въ отставку, считая, что службою двухъ, трехъ лѣтъ они исполнили свой долгъ отечеству.

Разсмотримъ способъ комплектованія у насъ кавалеріи офицерами, степень ихъ образованія, причины, по которымъ они недолго остаются въ службѣ, взгляды ихъ на честь военную и наконецъ укажемъ на средства къ удержанію ихъ на службѣ.

Офицеры въ кавалерійскихъ полкахъ комплектуются производствомъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, приобретающихъ военныя познанія на службѣ, или воспитанниками военно-учебныхъ заведеній. Почти безошибочно можно сказать, что въ кавалеріи офицеры, произведенные изъ юнкеровъ, лучше, чѣмъ выпущенные изъ кадетскихъ корпусовъ, хотя, по степени образованія, послѣдніе стоятъ выше (*).

Причина заключается въ томъ, что въ способѣ подготовки тѣхъ и другихъ офицеровъ есть существенная разница. Стоитъ только прослѣдить, въ чемъ проводятъ время тѣ и другіе за три года до своего производства въ офицеры.

Юнкерь, большую частію помѣщичій сынъ, едва окончившій курсъ третьяго класса въ гимназій, стремится проложить себѣ путь военною службою. Нерѣдко прельщаетъ его и мундиръ. Онъ поступаетъ въ полкъ, ближайшій отъ имѣнія отца, который, съ рукъ полковаго командира, сдаетъ сына эскадронному, прося имѣть надъ нимъ отеческій надзоръ. Эскадронные командиры, въ нашей арміи, дѣйствительно достойные люди. Для молодаго чловѣка въ деревнѣ другаго занятія нѣтъ, какъ служба, которая интересуетъ его самого своею новизною. Юнкерь бываетъ и у своего эскадроннаго командира, въ которомъ можетъ видѣть одинъ только хорошій примѣръ. Если замѣча-

(*) Конечно, эта истина не касается рѣшительно всѣхъ офицеровъ изъ кадетъ: вездѣ есть исключенія.

ются въ юнкерѣ какія либо наклонности, вредныя для службы или не терпимыя товарищами, то онѣ исправляются совѣтами эскадроннаго командира, во власти котораго есть средства пресѣчь зло въ самомъ началѣ; къ тому же, близость отца не лишаетъ молодаго человѣка и родительскихъ увѣщаній. Считаясь нижнимъ чиномъ, онѣ несутъ отчасти и службу солдатъ, знакомятся съ ихъ бытомъ, обязанностями; ему извѣстенъ способъ выѣздки ремонтной лошади, уходъ за ней; онѣ умѣютъ ѣздить, вольтижируютъ, приучаются къ фронту вмѣстѣ съ рекрутомъ и, въ то же время, опытомъ узнаютъ всѣ требованія отъ офицера, служебныя и общественныя. Съ производствомъ въ офицеры, онѣ вступаютъ въ полковую семью, не чуждый никому.

Напрасно полагаютъ, что образованіе юнкеровъ при штабахъ бываетъ лучше, чѣмъ въ эскадронахъ. Здѣсь они отдѣлены отъ солдатъ, ихъ много, надъ ними нельзя имѣть такого надзора, и юнкера образуютъ касту, которая, не имѣя установившагося взгляда на службу и общественную жизнь, приучается къ трактирному разгулу, изъ котораго выносить всѣ вредныя послѣдствія подобной жизни. Гораздо полезнѣе собирать юнкеровъ въ дивизионныя штабы лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до производства въ офицеры, для чтенія имъ военныхъ наукъ, необходимыхъ каждому офицеру и въ особенности соответствующихъ спеціальному оружію. Ознакомившись предварительно со службою на практикѣ, юнкера будутъ подготовлены къ слушанію лекцій, которыя должны осмыслить имъ всѣ требованія устава и ознакомить съ тѣми обязанностями офицеровъ, которыя открываются передъ ними лишь въ военное время.

Обратимся къ офицерамъ, выпущеннымъ въ кавалерію изъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ кадетскіе корпуса поступаютъ дѣти дворянъ, болѣею частью малолѣтныя. Начальникъ корпуса обращаетъ вниманіе лишь на то, чтобы воспитанники не дѣлали ничего такого, за что воспитатель можетъ отвѣчать, а относительно образованія заботится только, чтобы отвѣты были согласны съ учебниками, изданными для военно-учебныхъ заведеній.

Такимъ образомъ, воспитаніе въ кадетскихъ корпусахъ отличается тѣмъ, что тамъ не стараются развивать въ дѣтяхъ такія качества, которыя должны быть залогомъ всей дальнѣйшей будущности ихъ, а только стѣсняютъ проявленія, тревожащія начальство, не вникая, по множеству воспитанниковъ, въ при-

чины этихъ проявленій. Новичокъ, подъ впечатлѣніемъ родительскаго воспитанія сохранившій всю естественность проявленій своего молодого, бьющагося жизнью сердца, жаждущаго отвѣта на вопросы впечатлительной души и любознательнаго уха, подвергается насмѣшкамъ товарищей и постепенно становится въ уровень съ ними. Самая среда корпусная такого рода, что она не создаетъ характеровъ, не даетъ почвы для развитія ихъ; напротивъ, растенія, собранныя со всѣхъ концовъ населенія обширнѣйшей имперіи, подводитъ подъ одну общую линію, строго геометрическую, подобно аллеямъ нашихъ петербургскихъ дачъ. Индивидуальность отрока или юноши исчезаетъ; образуя всѣ виѣсты кадетскій строй или корпусъ, каждый, въ отдѣльности, представляетъ что-то оторванное отъ чего-то цѣлаго: въ иныхъ мѣстахъ отхвачены цѣлыя части, въ другихъ онѣ искривлены и въ общемъ нисколько не напоминаютъ растеній, какія могли бы быть изъ тѣхъ молодыхъ побѣговъ, которые были отданы родителями въ теплицу корпуснаго воспитанія, для приготовленія изъ нихъ могучихъ великановъ, будущей опоры отечества. Только безпредѣльности силъ человѣческаго духа обязаны мы, что изъ кадетскихъ корпусовъ выходятъ иногда даровитыя личности, дѣятельность которыхъ замѣчается, однако, не съ первыхъ дней выпуска изъ корпусовъ, а лишь послѣ переработки ихъ въ общественной жизни, когда молодые люди питаются живительными соками міровой жизни человѣчества (*).

Сколько у насъ кадетскихъ корпусовъ, сколько производится изъ нихъ ежегодно въ офицеры, а, между тѣмъ, какъ мало въ полкахъ офицеровъ, кончившихъ курсъ въ корпусахъ, которые тотчасъ же выходили бы изъ колесъ той безличности, къ которой готовятъ ихъ корпусное воспитаніе.

Относительно образованія, получасмаго воспитанниками кадетскихъ корпусовъ, можно сказать также, что оно мало соответствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ офицеровъ. Ихъ учатъ многому, всему слегка, и не выучиваютъ почти ничему: разумію кадетъ, выпущенныхъ прапорщиками и корнетами въ армію, то есть не кончившихъ курсъ или, по степени знанія, не удостоенныхъ къ производству въ гвардію или артиллерію.

(*) Въ справедливости всего этого я убѣдился изъ разсказовъ бывшихъ кадетъ, которые съ грустію вспоминаютъ потраченные ими въ корпусахъ лучшіе годы воспитанничества.

По нашему мнѣнію, вмѣсто ботаники и зоологіи, гораздо полезнѣе было бы обратить вниманіе на болѣе спеціальное изученіе военныхъ предметовъ и на умѣнье говорить не менѣе, какъ на двухъ иностранныхъ языкахъ, а не на заучиваніе басенъ, грамматическихъ правилъ и не на одно *правильное* чтеніе, безъ пониманія его, какъ это случалось видѣть многимъ присутствовавшимъ на экзаменахъ въ кадетскихъ корпусахъ.

Кадетскіе корпуса давали только общее военное образованіе, такъ что одинъ и тотъ же воспитанникъ, вынужденный на экзаменѣ удачный билетъ, надѣвалъ спеціальныи артиллерійскій или саперный мундиръ, въ случаѣ же неудачи—отправлялся маршировать въ пѣхоту, учить рекрутъ ружейнымъ приѣмамъ, а если позволяло состояніе, надѣвалъ шпоры и становился кавалеристомъ. Эта энциклопедичность военнаго образованія въ корпусахъ какъ-то прямо высказывала, что развѣ одна пѣхота могла пріобрѣтати въ офицерахъ изъ кадетъ довольно свѣдущихъ служака, потому что они умѣли маршировать, знали ружейные приѣмы, уставъ и, можетъ быть, кое-что изъ военныхъ наукъ.

Съ такими данными являлся въ полкъ офицеръ, выпущенный изъ кадетскаго корпуса. Свобода встрѣчала его вмѣстѣ съ эполетами; но онъ не имѣлъ достаточной самостоятельности, чтобы, съ перваго же шага, умѣть пользоваться ею. Корпусъ его не приготовлялъ къ дѣйствительной жизни. Начальство думало сдѣлать изъ него не офицера, а кадета, и потому онъ вступалъ въ жизнь не офицеромъ, не юношей, а *кадетомъ*. На каждомъ шагу онъ встрѣчалъ разладъ своихъ убѣжденій съ общественнымъ мнѣніемъ, видѣлъ, что все добытое имъ въ корпусѣ не только ни къ чему не ведетъ, но даже вредно, убѣждался, что онъ неучъ и относительно фронта и по взгляду на жизнь. Онъ находился въ положенія чловѣка, потерявшаго вѣру въ себя, въ свои силы, пріобрѣтенныя прошлою жизнью, и не отыскавшаго еще прямого исхода. Онъ желалъ заняться фронтомъ, но его самолюбіе оскорблялось: онъ долженъ былъ учиться ѣздить на кордѣ, подобно рекруту или юнкеру, а когда вступалъ въ манежъ въ офицерскую сѣтну, всѣ замѣчанія полковаго командира на свою ѣзду принималъ за личности и начиналъ смотрѣть на службу какъ на самое неприятное положеніе для себя. Правда, прежнее подготовленіе кадетъ въ образованномъ полку нѣсколько облегчало имъ знакомство съ обязанностями кавалериста, но, вообще, они выучивались тамъ

немногому. Съ солдатами же, то есть со своими подчиненными, они вовсе не были знакомы.

Самый тяжелый годъ для офицеровъ, выпущенныхъ изъ кадетскихъ корпусовъ, бываетъ первый годъ ихъ службы. Весьма немногіе изъ нихъ успѣваютъ свыкнуться со служебными обязанностями на столько, чтобы онѣ не тяготели ихъ болѣе, чѣмъ другихъ офицеровъ. Отъ этого они получаютъ нелюбовь къ службѣ и начинаютъ помышлять, какъ бы оставить полкъ или найти какой либо другой родъ занятій.

Въ армейской кавалеріи офицеры принимаютъ новыхъ своихъ товарищей радушно и, вникая въ ихъ положеніе, стараются ободрить ихъ. Встрѣчая себя новичками во всемъ, офицеры изъ кадетъ стремятся обыкновенно наверстать сознаваемый ими недостатокъ общественнаго образованія и потому бросаются на книги. Досугъ, къ которому они не привыкли, а часто и жизнь въ деревнѣ, изъ которой въ грязную осень и выѣхать нѣтъ возможности, немало тому содѣйствуютъ. Но какъ у насъ вообще мало сочинсній, которыя бы могли довершить военное образованіе офицеровъ и не всѣ изъ нихъ интересны, то, обыкновенно, журналы, которыми въ послѣднее время наводнилась вся Россія, служатъ источниками для пріобрѣтенія познаній. Знакомство съ литературою, съ общими человѣческими вопросами, съ политикою и съ міромъ, совершенно чуждымъ провинціальной или полковой военной жизни — таково бываетъ результатъ чтенія. Въмѣсто пріобрѣтенія познаній, которыя бы могли дать молодымъ офицерамъ опорную точку въ полку, они становятся еще болѣе въ разладъ съ самими собою, убѣждаясь, какъ не похожа полковая среда, тяготившая ихъ и прежде своими служебными требованіями, на міръ, изображаемый въ журналахъ и книгахъ, и начинаютъ помышлять только о томъ, какъ бы оставить или переимѣнить службу. Ихъ жизнь испорчена предварительнымъ воспитаніемъ, и такое стремленіе естественно. Отъ этого у насъ менѣе всего офицеровъ изъ кадетскихъ корпусовъ, находящихся на службѣ болѣе десяти лѣтъ, несмотря на многочисленность военно-учебныхъ заведеній и на непомѣрную стоимость ихъ содержанія (*).

(*) Не могу умолчать о медпкахъ военно-сухопутнаго вѣдомства. Они являются на службу, болѣе или менѣе, съ знаніемъ своего дѣла; въ мирное время исполняютъ свои обязанности добросовѣстно, такъ что начальникъ не имѣетъ надобности напоминать имъ о необходимости посѣщать лазареты и больныхъ; въ военное, подъ неприятельскими выстрѣлами, хладнокровно подаютъ помощь раненымъ и вообще отличаются нравственными достоинствами.

Авт.

Сказанное можетъ уяснить, почему *въ кавалеріи* офицеры изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся вообще полезнѣе, чѣмъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Этимъ отчасти объясняется и то ложное мнѣніе нѣкоторыхъ, будто образованіе въ кавалеріи не только бесполезно, но даже вредно. Такъ судили по наружному, не заглядывая глубже въ вопросъ. Мы не имѣемъ до сихъ поръ въ полномъ смыслѣ спеціальнаго кавалерійскаго училища для юнкеровъ, какъ наша пѣхота, наши инженеры и наша артиллерія. Если бы оно у насъ было, можетъ быть и оригинальное понятіе о достоинствѣ кавалериста не существовало бы. Но я все-таки того мнѣнія, что юнкера въ полкахъ имѣютъ неоспоримое преимущество, знакомясь съ солдатомъ и воспитываясь въ той средѣ, въ которой имъ приходится служить. Необходимо только дать имъ средства къ высшему военному образованію, при посредствѣ офицеровъ генеральнаго штаба, если послѣдніе будутъ имѣть для того матеріальныя пособія. По нашему мнѣнію, было бы весьма полезно офицеровъ, выпускаемыхъ изъ кадетскихъ корпусовъ въ кавалерію, не назначать прямо въ полки, а на годъ или на два посылать въ Офицерское кавалерійское училище, въ Елисаветградъ, гдѣ они скорѣе всего могутъ приобрести познанія, необходимыя для кавалерійской службы.

Говоря о взглядѣ офицеровъ кавалерійскихъ полковъ на честь, должно замѣтить, что этотъ взглядъ имѣетъ свою особенность. Молодой офицеръ, за малѣйшую обиду, готовъ стрѣляться съ товарищемъ, съ которымъ былъ за минуту въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, а секундантъ не только не употребитъ мѣръ къ примиренію противниковъ, но считаетъ это дѣломъ безчестнымъ для себя. Между тѣмъ, уйти изъ караула, явиться изъ отпуска не въ срокъ, отсрочить уплату долга, несмотря на данное обѣщаніе полковому командиру, все это считается поступками, не роняющими военной чести. Нашъ офицеръ, убѣжденный въ томъ, что онъ съумѣетъ лихо пойти въ атаку и, въ случаѣ надобности, пожертвовать и жизнью своею, считаетъ, что болѣе этого отъ него никто не въ правѣ и требовать.

Въ продолженіе моей сорокалѣтней службы, нравы въ полкахъ значительно измѣнились, и къ лучшему. Буйнаго разгула и картежной игры теперь нѣтъ; но неисполненіе служебныхъ обязанностей, когда нѣтъ начальнику возможности постоянно слѣдить за подчиненными, осталось въ прежней силѣ. Могутъ сказать, что тому причиною сами начальники. Нѣтъ: болѣе всего

разъ установившееся понятіе въ средѣ офицеровъ, которое можетъ быть искоренено только законодательствомъ, причѣненнымъ къ данному случаю. Сколько мы знаемъ такихъ начальниковъ, которые по ночамъ заставляли будить себя, чтобы удостовѣриться, не спитъ ли офицеръ въ караулѣ, и знаемъ, что караульная обязанность и дежурства выпадали всегда на долю только тѣхъ офицеровъ, на дежурствѣ которыхъ предпринималъ начальникъ ночной поискъ. Приводило ли это къ какимъ либо результатамъ?

Теперь въ нѣкоторыхъ полкахъ есть офицеры, которые имѣютъ лхія тройки и болѣе заботятся о хорошемъ экипажѣ, чѣмъ о порядочной верховой лошади. Людямъ богатымъ подражаютъ люди съ ограниченными средствами. Въ военной службѣ должно, по моему мнѣнію, обращать вниманіе на то, чтобы неравенство состояній служащихъ не выражалось ни въ какихъ наружныхъ формахъ. Это именно обстоятельство побуждало бы многихъ избирать военную службу, такъ какъ, при нынѣшнихъ условіяхъ свѣта, человѣку съ ограниченными средствами нельзя имѣть доступъ въ тѣ общества, въ которыя вводитъ военный мундиръ, даже при меньшихъ матеріальныхъ средствахъ. А известно, какъ велико самолюбіе, особенно у молодыхъ людей.

Несмотря на увеличеніе жалованья и эмеритуру, на продовольствіе верховыхъ офицерскихъ лошадей отъ казны и на дозволеніе офицерамъ выбирать изъ полка какихъ имъ угодно лошадей за умѣренную цѣну, въ послѣднее время во всѣхъ полкахъ встрѣчается недостатокъ въ офицерахъ. Принятые мѣры, повидимому, должны были бы содѣйствовать къ тому, чтобы офицеры оставались въ кавалеріи; на дѣлѣ и теперь такъ же недолго служатъ офицеры, какъ и прежде. Причина та, что большинство офицеровъ, поступая на службу, не смотрятъ на нее какъ на ремесло, и рѣшительно всѣ не имѣютъ вначалѣ понятія о томъ, что ихъ ожидаетъ впереди. Прельщаясь мундиромъ и положеніемъ въ свѣтѣ, они вступаютъ въ службу, и въ первое время ихъ еще занимаютъ чины. Но вотъ съ чиномъ поручика или штабсъ-ротмистра приходится сидѣть отъ шести до восьми лѣтъ, а ротмистромъ не менѣе десяти. Любовь къ службѣ и надежды на блестящую будущность охладѣваютъ; офицеры, имѣющіе независимый кусокъ хлѣба, выходятъ въ отставку; остаются тѣ, которые втянулись въ службу, которымъ тяжело вновь пріучаться къ какимъ либо занятіямъ и которые нуждаются въ обезпеченіи себя службою. Невозможность въ ар-

нѣи пробиться офицеру сквозь обычную колею вакантнаго производства порождаетъ равнодушіе къ службѣ, такъ что старые служаки начинаютъ считать годы своей службы до тридцатипятилѣтней пенсіи. Но, при всемъ желаніи правительства вполне обезпечить содержаніемъ военнослужащихъ, необходимость имѣть громадную армію не дозволяетъ этого исполнить.

По нашему мнѣнію, право награждать офицеровъ, помимо крестовъ, чинами могло бы дать ходъ тѣмъ изъ нихъ, которыхъ необходимо выдвигать, чтобы пользоваться ихъ способностями, пока они еще свѣжи и молоды, а не предоставлять имъ общую участь нынѣшнихъ майоровъ, изъ которыхъ почти каждый прожилъ на свѣтѣ около пятидесяти лѣтъ и прокомандовалъ лѣтъ двадцать эскадрономъ, не выѣзжая изъ деревни.

Перехожу къ нашему солдату, къ этому превосходнѣйшему созданію. Несмотря на то, что еще въ самое недавнее время въ военную службу отдавали за дурную нравственность, несмотря на то, что молодой офицеръ часто подаетъ дурной примѣръ неисполненіемъ своихъ обязанностей, нашъ солдатъ отличается вообще хорошимъ поведеніемъ, легко дисциплинируется, стоекъ въ бою, безропотно переноситъ всѣ лишенія и трудности, и начальникъ могъ полагаться на него даже въ то время, когда за мундирами и аммуниціями исчезала личность солдата, какъ человѣка.

При установившемся въ наше время взглядѣ на рекрутъ, нѣтъ сомнѣнія, что служба будетъ пріобрѣтать въ нихъ гораздо скорѣе хорошихъ солдатъ, и притомъ безъ строгихъ мѣръ. Но «Кавалерійскіе очерки», равно какъ и наша новая «Рекрутская школа» едва ли справедливо полагаютъ, что на первыхъ порахъ слѣдуетъ рекрутъ весьма мало занимать, имѣя въ виду ихъ тоску по родинѣ. Я полагаю, напротивъ, что лучшее средство противъ этой тоски состоитъ въ развлеченіи, которое можно доставить новобранцу однимъ ученіемъ, лишь бы оно не было обременительно для его физическихъ силъ.

Служба солдата въ кавалеріи, не только въ военное, но и въ мирное время, очень тяжела. Онъ долженъ самъ пріискать себѣ лошадь, купить ее, выдержать, привести и сдать въ полкъ, долженъ ее выѣздить, найти фуражъ, доставить въ эскадронъ и на плечахъ своихъ носить его три раза въ день, водить лошадь на водопой, ковать и чистять, и при всемъ томъ исполнять службу гарнизонную наравнѣ съ пѣхотинцемъ. Онъ же и обмундировываетъ себя, обуваетъ, шьетъ и мостъ свое бѣлье, приготовляетъ

конскую сбрую, чистить аммуницію, развозить почту и доставлять больныхъ товарищей въ лазаретъ. Ежели принять въ расчетъ всю службу кавалерійскаго солдата, то удивляться нужно, какъ еще стаеъ у него времени для фронтоваго образованія.

Кавалерія наша, въ настоящее время, весьма замѣчательнаго состава: въ ней самый молодой солдатъ служить не менѣе семи лѣтъ. Какъ только начнутъ поступать рекруты, болѣзненность должна непремѣнно увеличиться, вслѣдствіе трудностей кавалерійской службы.

Для поощренія службы молодыхъ нижнихъ чиновъ, мнѣ кажется, было бы полезно установить особые знаки отличія, которые, не давая имъ матеріальнаго обезпеченія, подобно другимъ наградамъ, для нихъ установленнымъ, освобождали бы ихъ, напримѣръ, отъ тѣлеснаго наказанія безъ суда, ранѣ полученія первой нашивки за безпорочную выслугу десяти лѣтъ; но лишеніе этого отличія за какіе либо проступки не должно оказывать вліянія на дальнѣйшую судьбу, чтобы солдаты не лишались надежды вновь вернуть награду своею усердною службою. Такое учрежденіе дало бы возможность каждому постороннему тотчасъ же отличить хорошихъ солдатъ и чрезвычайно возвысило бы духъ войска, которое убѣдилось бы, что добрая служба за Царемъ, какъ молитва за Богомъ, дѣйствительно не пропадаетъ, и что съ первыхъ же дней службы каждый рекрутъ можетъ надѣяться на полученіе знака отличія, которое избавитъ его отъ унизительнаго наказанія. Вселить въ солдатъ убѣжденіе, что тѣлесное наказаніе есть постыднѣйшая мѣра взысканія, какъ для воина, такъ и для каждаго человѣка вообще, должно быть стремленіемъ каждаго начальника.

Скажу еще, что переводы офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ гвардіи въ армію за проступки производятъ невыгодное впечатлѣніе: на армію смотрятъ какъ на ссылочное учрежденіе. Честь между офицерами и нижними чинами въ арміи одинаково развита, какъ и въ гвардіи, и потому кто не достоинъ служить въ гвардіи, тотъ не можетъ носить съ честью и армейскій мундиръ.

Послѣ крымской войны, несмотря на гнѣвъ нашихъ педагоговъ по мундштучной части, я печатно высказалъ свое убѣжденіе о вредѣ для кавалеріи мундштука. Не стану распространяться о немъ, не буду говорить, что мундштукъ, виѣсть съ тяжелымъ व्यюкомъ, страшнѣе для кавалеріи мѣткой стрѣльбы нынѣшняго усовершенствованнаго оружія; скажу только, виѣсть

съ авторомъ «*Кавалерійскіе очерки*», что мундштукъ есть машина, придуманная для обученія лошади противоестественнымъ движеніямъ, отнимающая у нея быстроту и крѣпость ногъ. Въ настоящее же время, всѣ кавалеристы должны думать о томъ, чтобы кавалерія отличалась своими естественными свойствами, быстротою движенія на значительномъ пространствѣ, — словомъ, тѣми условіями, которыми опредѣляется все достоинство ея, какъ особаго рода оружія.

При выѣздѣ ремонтныхъ лошадей на уздечкахъ, надобно добиваться двухъ цѣлей: чтобы лошадь приходила къ желаемому мѣсту въ прямомъ направленіи, что можетъ быть достигнуто въ теченіе нѣсколькихъ дней, и чтобы лошадь измѣнила аллюръ по желанію ѣздока. Последнее труднѣе перваго; но, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, молодая лошадь можетъ къ этому привыкнуть и считаться выѣзженной. Конечно, кромѣ естественныхъ аллюровъ: полного шага, рыси, растяжнаго галопа, переходящаго въ карьеръ, и карьера, ничего другаго лошадь не должна выполнять. Такова одиночная ея выѣздка. Въ смѣнахъ же слѣдуетъ обучать людей управлять своими лошадьми соответственно командамъ начальника, а въ шереножныхъ ученьяхъ — различнымъ перестроеніямъ и фронтальнымъ движеніямъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ремонтныя лошади будутъ совершенно выѣжены и не разбиты, тогда какъ при мундштукахъ, послѣ страшной и нерѣдко форсированной пытки, если и удастся ихъ представить на смотръ, то всегда съ ущербомъ физическихъ силъ, который обыкновенно обнаруживается со временемъ. Притомъ, всегда окажется нѣсколько такихъ лошадей, которыя вовсе не будутъ понимать требованія мундштука и въ теченіе всей своей службы будутъ только *выѣзжаться*.

Посадка должна считаться красивою, коль скоро всадникъ сидитъ крѣпко и увѣренно въ сѣдлѣ. Не всѣ могутъ достигнуть этого, сохраняя одинъ и тотъ же наружный видъ, по самому различію физическаго строенія человѣка. Съ этимъ должно сообразоваться и не подводить натуру всѣхъ людей подъ одинъ и тотъ же уровень.

Несмотря на то, что сѣдло и вьюкъ имѣютъ громадное значеніе для достоинства кавалеріи, до сихъ поръ ничего хорошаго не придумано: вездѣ они тяжелы и въ военное время набиваютъ лошадей. Я представилъ сѣдло безъ ленчика; оно испытывается

у меня въ дивизиі и въ лейбъ-уланскомъ полку. Увидимъ, каковы будутъ результаты испытанія.

Въ походѣ солдатъ необходимо долженъ имѣть новый мундиръ, рейтузы, шинель, китель, бѣлье, двѣ пары сапоговъ, полушубокъ, нынѣ вездѣ уже заведенный, перчатки изъ старыѣ рейтузъ, запасную пару подковъ, щетку, скребницу, арканъ, недоузлокъ, торбу, три гарнца овса, китку съ сѣномъ и сухарей на три дня. Слѣдовательно, кладъ для лошади достаточно велика; но уменьшить ее нельзя. Вальтрапъ въ походѣ не только бесполезенъ, какъ лишняя тяжесть, но служить средствомъ скрывать отъ глаза начальника «худобу», которою такъ любитъ обзаводиться нашъ солдатъ. Гораздо полезнѣе было бы въ военное время отпускать въ кавалерійскіе полки, вмѣсто вальтраповъ, лишнее рейтузное и шинельное сукно, такъ какъ эти вещи у кавалерійскаго солдата въ походѣ скорѣе изнашиваются, чѣмъ у пѣхотинца, всегда имѣющаго притомъ и довольно досуга, чтобы починиться послѣ каждаго перехода. Кавалеристъ же или отправляется на аванпосты, или промышляетъ продовольствіе своей лошади, чинитъ сбрую, осматриваетъ подковы и потомъ уже, когда нибудь на дневкѣ, улучшаетъ время и для починки своего платья.

Необходимо сказать и объ офицерскихъ вьючныхъ лошадяхъ. Для нынѣшняго вьюка, въ которомъ почти ничего нельзя уложить, офицеру нужно имѣть двухъ лошадей. Этотъ вьюкъ, послѣ нѣсколькихъ переходовъ, набиваетъ лошади спину; лошадь подъ нимъ можетъ идти только шагомъ и черезъ ровъ не въ состояніи перепрыгнуть. Оттого офицерскій вьюкъ не можетъ всегда слѣдовать за кавалерією, и офицеры поставлены въ зависимость отъ него. Въ горахъ, кавалерія рѣдко когда приходится дѣйствовать, и потому обозъ ея долженъ быть наиболѣе приспособленъ къ обыкновеннымъ и полевымъ дорогамъ, приспособленъ къ быстрымъ передвиженіямъ. Самая лучшая фура, какъ для офицерскаго обоза, такъ и для замѣненія нынѣшнихъ артельныхъ повозокъ, есть двухколесный ящикъ, наподобіе артиллерійскаго, но меньшаго размѣра и легче, такъ чтобы, въ случаѣ нужды, могла везти его одна лошадь. На этомъ ящикѣ можно было бы возить и небольшой запасъ фуража. Число ящиковъ соразмѣряется по числу офицеровъ въ полку; на построітку ихъ отпускаются суммы отъ казны, а лошади, на которыхъ казна даетъ въ военное время раціоны, должны считаться полковыми подъемными.

Способъ коновязей въ нашей кавалеріи замѣчательно дурной. Коля и веревки нужно везти на особой телегѣ; для разбивки ихъ тратится много времени и, въ случаѣ испуга нѣсколькихъ лошадей, можетъ шарахнуть цѣлый эскадронъ, а иногда и полкъ. Переяславскій конно-егерскій полкъ отъ такого случая, еще въ началѣ польской кампаніи, совершенно разстроился, а подъ Севастополемъ, отъ подобнаго же случая, Каргопольскій драгунскій полкъ лишился 60 лошадей. Лучшій способъ коновязей — французскій, перенятый отъ Арабовъ. Онъ состоитъ въ томъ, что лошадь привязываютъ за одну ногу къ гвоздю, вколоченному въ землю. Этотъ способъ называется *entgrave*. Необходимо его ввести и у насъ.

Настоящее обмундированіе нашей кавалеріи удобно, красиво и удовлетворяетъ требованіямъ мирнаго и военнаго времени. Одинъ головной уборъ какъ бы противорѣчалъ нововведеніямъ, сдѣланнымъ въ нашей арміи въ послѣднее время. До какой степени этотъ недостатокъ сознавался войсками, лучше всего можетъ доказать то, что какъ только былъ полученъ приказъ военнаго министра о введеніи въ войскахъ *шапки* новаго образца, она сейчасъ же появилась на головахъ офицеровъ и даже нижнихъ чиновъ, сшившихъ ихъ на свой счетъ, еще до полученія образцовъ и рисунковъ. Ни одна перемѣна формы не произвела такого общаго восторга, какъ нынѣшняя *шапка*. Желательно было бы, чтобы и въ уланскихъ полкахъ парадная шапка была мягкая и потому годная для всѣдневнаго ношенія. Расскажу случай, который лучше всего можетъ раскрыть, какъ каска обременяла нашего солдата. Я видѣлъ роту Сѣвскаго пѣхотнаго полка, возвращавшуюся изъ Севастополя. На мой вопросъ: много ли осталось между ними старыхъ солдатъ, которые пробыли въ теченіе всего времени въ Севастополѣ, мнѣ отвѣтили: семнадцать: «А что! тяжело вамъ было?» — «Нѣтъ! дай Богъ, чтобы мы всегда такъ воевали — все равно какъ у себя дома!» — «Какъ такъ?» — «Да мы все время были въ фуражкахъ, а вотъ подъ Дунаемъ мы ходили въ каскахъ!»

Башлыкъ есть необходимая принадлежность одежды военнаго человѣка, особенно въ нашемъ климатѣ.

Распоряженіе шить кафтаны такъ, чтобы они свободно надѣвались на теплую одежду, доказываетъ, что парадной формѣ придаютъ значеніе одежды, въ которой можетъ быть солдатъ и зинюю, не подвергаясь простудамъ и болѣзнямъ. Красота усту

шла мѣсто пользѣ. Но возможно ли будетъ строить болѣе широкіе кафтаны при прежнемъ отпускѣ сукна?

Сапоги сверхъ рейтузъ лучше, чѣмъ подъ рейтузами; но это не такъ красиво, и потому опасно, чтобы, увлекаясь щегольствомъ, не начали смотрѣть на большіе сапоги, какъ на ботфорты, для которыхъ въ былое время за полками возились цѣлые обозы колодокъ, и чтобы нынѣшнія широкія рейтузы не замѣнили узкими.

Вооруженіе для всей кавалеріи должно быть одинаково: для передней шеренги пика и сабля, а для задней сабля и нарѣзное ружье.

Нынѣшній нарѣзный штуцеръ въ кавалеріи бесполезное оружіе, а шестнадцати наѣздниковъ отъ эскадрона бываетъ во многихъ случаяхъ недостаточно. Для болѣе прочнаго прикрытія боеваго порядка, необходимо вызывать довольно значительное число наѣздниковъ, разсыпая даже цѣлый эскадронъ такъ, чтобы первая шеренга служила прикрытіемъ задней, а вторая спѣшивалась для открытія мѣткаго огня противъ непріятельскаго фронта или его одиночныхъ всадниковъ. Этотъ способъ дѣйствія долженъ быть и въ аванпостахъ: тогда не только одиночные наѣздки, но и непріятельскіе разѣзды не смѣли бы такъ часто тревожить цѣль.

Сабля наша превосходна, но, по неумѣнію ее точить, такъ какъ въ мирное время она носится тупою, лишается важнаго достоинства.

Фехтованіе верхомъ — совершенно бесполезная вещь, потому что у насъ оно ограничивается смотровыми темпами, а настоящая фехтовка сопряжена съ опасностію. Этого рода упражненія невольно приводятъ мнѣ на память слова одного арабскаго посланника, при французскомъ дворѣ, который, видя турниръ, сказалъ: «если это упражненіе, то слишкомъ много, а если настоящій бой, то слишкомъ мало».

Задняя шеренга должна быть въ четырехъ шагахъ отъ передней. Положенный уставомъ одинъ шагъ неудобенъ и можетъ быть принятъ только для сомкнутаго расположенія кавалеріи, когда недостатокъ мѣста вынуждаетъ къ тому. При сохраненіи нынѣшняго разстоянія между шеренгами, бываетъ то, что, при остановкахъ, лошади задней шеренги наскакиваютъ на переднихъ и черѣдко ихъ колѣчатъ; вторая шеренга ѣздитъ безъ вниманія, предоставляя трудъ равненія первой, и, наконецъ, во время движенія въ атаку, лошадь задней шеренги, не имѣя воз-

возможности обойти убитую въ передней, опрокидывается вмѣстѣ съ послѣднею.

Разсыпная атака кавалеріи имѣетъ большія преимущества передъ сомкнутою: кавалерія скорѣе движется и менѣе страдаетъ отъ непріятельскаго огня, а вмѣстѣ съ быстротою движенія пріобрѣтается сила удара, столь важная и при атакахъ кавалеріи, которое, какъ чулокъ, отъ одной дыры распускается. При атакахъ противъ кавалеріи, рассыпной строй тѣмъ выгоднѣе, что будутъ охвачены фланги непріятеля, какъ самыя слабѣйшія части фронта, и вторая линія можетъ поддержать эту атаку фронтально, не опасаясь быть разстроеною, еслибъ первая линія была опрокинута.

Дополню сдѣланныя мною замѣтки нѣсколькими отдѣльными очерками.

Въ каждомъ кавалерійскомъ полку есть свой особый типъ, характеръ, отличающій его отъ другихъ полковъ дивизіи. Если взглянуть попристальнѣе, то эти особенности создаются вліяніемъ тѣхъ личностей, которымъ предоставленъ болѣе обширный кругъ дѣйствія, на примѣръ: полковыми командирами, или лицами, хотя и не имѣющими офиціальныхъ правъ, но по способностямъ своимъ подчиняющими общество офицеровъ своему преобладанію. Качества, прирожденныя этимъ лицамъ, отражаются во всемъ составѣ полка, въ матеріальномъ и нравственномъ его состояніи, такъ что отъ степени достоинствъ вліятельныхъ лицъ зависитъ и степень состоянія полка. Вліяніе полковаго командира чаще всего выражается въ матеріальной части полка, и весьма рѣдко онъ имѣетъ непосредственное вліяніе на своихъ офицеровъ. Но бывали случаи, гдѣ хозяйственная часть полка держалась офицерами, даже при такихъ полковыхъ командирахъ, которые имѣли только одно пассивное значеніе, и, при всемъ томъ, ихъ полки считались лучшими, какъ въ строевомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи.

Все это доказываетъ, что въ каждомъ полку есть данныя для того, чтобы полкъ былъ хорошъ рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ: нужно только уметь вызвать къ дѣятельности все въ немъ хорошее. Молодые полковые командиры, въ этомъ отношеніи, имѣютъ неоспоримое преимущество: они обладаютъ энергіею и могутъ вліять на общество офицеровъ своею личностію, тогда какъ значеніе одряхлѣвшихъ полковыхъ командировъ

выражается лишь въ пристрастіи къ тѣмъ офицерамъ, которые имъ наиболѣе полезны по нѣкоторымъ служебнымъ частямъ полка. Личныя достоинства прочихъ офицеровъ для нихъ совершенно излишни, если только они не ведутъ ихъ къ прямой отвѣтственности.

Молодые полковники, назначаемые изъ гвардіи командирами армейскихъ полковъ, большею частію бываютъ прекрасные полковые командиры, если только ихъ занимаетъ самая служба. Большею частію они незнакомы съ хозяйствомъ армейской кавалеріи и потому, въ первое время, довѣряются тѣмъ изъ офицеровъ, которые даютъ болѣе повода къ тому. Они стараются узнать всѣхъ офицеровъ своего полка, кто изъ нихъ въ какомъ отношеніи полезенъ для службы, стараются воспользоваться ихъ познаніями, давая имъ порученія, и установить въ полку возможно лучшія отношенія. Въ то же время, такіе полковые командиры нейтрализуютъ тѣхъ изъ офицеровъ, которые, по своимъ природнымъ способностямъ, могли бы подчинять своему вліянію вступающихъ въ полкъ молодыхъ офицеровъ и привить имъ нѣкоторыя изъ своихъ качествъ, или совершенно лишніе, или могущихъ быть замѣненными лучшими. Недостатокъ опытности въ молодыхъ полковыхъ командирахъ замѣняется умѣньемъ призывать къ дѣятельности всѣ способности, распределенныя между офицерами полка, и потому у нихъ части вообще бываютъ лучше, чѣмъ у тѣхъ полковыхъ командировъ, которые ограничиваются своимъ офиціальнымъ вліяніемъ, служебнымъ правомъ относительно офицеровъ и думаютъ дѣлать все сами при посредствѣ многихъ лицъ, наиболѣе готовыхъ исполнять и ихъ личныя требованія. Конечно, и между полковыми командирами изъ арміи и немолодыми изъ гвардіи бываютъ блестящіе начальники, но рѣже.

Выборъ полковаго командира имѣетъ рѣшительное вліяніе на состояніе полка. Ни одинъ начальникъ, въ предоставленномъ ему кругѣ дѣйствій, не пользуется такимъ значеніемъ, какъ полковой командиръ. Образованный командиръ полка будетъ имѣть и образованныхъ офицеровъ; ѣздокъ пріохотитъ ихъ ѣздить; неумѣстно строгій лишится всѣхъ самостоятельныхъ дѣятельныхъ офицеровъ; слабый, подчиняющійся всевозможнымъ вліяніямъ, будетъ причиною многихъ столкновеній; совершенно равнодушный ко всему предоставитъ полкъ самому себѣ, и полкъ будетъ превосходно держаться, если отъ предмѣстника его останутся дѣльные офицеры, понимающіе службу и достаточно самостоятель-

ные. Но ничего не можетъ быть печальнѣе, когда командиръ полка безъ такта и когда онъ не умѣетъ отличать лучшихъ офицеровъ: тогда всѣ нѣмъ недовольны, хотя бы онъ въ сущности былъ и добрый человекъ, и ни у кого не бываетъ желанія занять чѣмъ нибудь.

Итакъ, полкъ бываетъ лучшей тогда, когда въ немъ хорошъ составъ офицеровъ. Значить, нужно имѣть и такихъ полковыхъ командировъ, которые умѣли бы дорожить хорошими офицерами и удерживать ихъ на службѣ. По моему мнѣнію, полки слѣдуетъ давать тотчасъ же послѣ производства офицера въ полковники, во первыхъ потому, что тогда являлись бы начальники болѣе молодые и энергичные, и потому еще, что чѣмъ долѣе кто командуетъ частію, тѣмъ лучше ее знаетъ, что необходимо для полнаго успѣха управленія ею и для многихъ случаевъ въ военное время.

Послѣ полковаго командира имѣетъ важное вліяніе на матеріальное достоинство кавалерійскаго полка ремонтеръ его. Необходимо поощрять этихъ людей и установить для нихъ особую систему наградъ, такъ какъ и служба ихъ совершенно отличается отъ службы прочихъ офицеровъ полка. Другой, и при желаніи доставить полку хорошихъ лошадей, не можетъ этого сдѣлать и платить за нихъ большія деньги, чѣмъ въ другихъ, лучшихъ по составу лошадей полкахъ. Можно сказать утвердительно, что достоинство полка относительно лошадей всегда зависитъ отъ его ремонтера, и въ этомъ случаѣ приемщикъ не можетъ имѣть такого значенія, какъ ремонтеръ. Многіе пороки лошади, по наружности незамѣтные, открываются только при испытаніи ея. Напримѣръ, лошадь съ слабыми легкими для кавалеріи никуда негодна, а, между тѣмъ, она можетъ имѣть всѣ наружныя достоинства, которыя заставляютъ ее принять. Ремонтеръ же, выдерживая ее у себя и гоняя на кордѣ, очень хорошо это знаетъ. Слѣдовательно, тутъ все зависитъ отъ его добросовѣстности.

Кстати о лошадяхъ съ слабою силою дыхательныхъ органовъ: недостатокъ этотъ такъ великъ, что, по моему мнѣнію, всѣхъ такихъ лошадей слѣдуетъ браковать, несмотря на ихъ другія качества, и оставлять вмѣсто ихъ лошадей прослуженныхъ сроковъ.

Такъ какъ я убѣжденъ, что, рано или поздно, вся наша кавалерія будетъ на уздечкахъ, вслѣдствіе чего ремонтная лошадь, поступившая въ резервный эскадронъ, въ продолженіе одного года будетъ уже совершенно вывѣжена, то считаю необ-

ходимымъ, чтобы, передъ сдачею ея въ дѣйствующій полкъ, она была втянута во всѣ трудности, предстоящія ей на дѣйствительной службѣ. Напримѣръ, се слѣдуетъ приучать къ растяжному галопу, которымъ бы она въ состояніи была проходить безъ усталы 250 сажень. Лошадь, окончательно готовая, должна быть назначена солдату, согласуя его способности и крѣпость физическаго сложенія съ качествами лошади, и, по возможности, не должно перемѣнять ее. Необходимо, чтобы солдатъ сроднился съ лошадыю; но этого у насъ не можетъ быть, когда тотъ же самый солдатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, закройщикъ, портной, сапожникъ, часовой и фуражиръ.

Въ дѣйствующихъ эскадронахъ слѣдуетъ требовать, чтобы каждый солдатъ ѣздилъ свою лошадь ежедневно, но непосмѣнно, какъ это у насъ дѣлается, а поодиночно или въ смѣнахъ, ими самими составляемыхъ, какъ они найдутъ удобнѣе, въ установленные для того часы, чтобы начальникъ имѣлъ возможность только проверять ихъ. Я говорю здѣсь о солдатахъ, знающихъ ѣзду и крѣпко сидящихъ въ сѣдлѣ, для которыхъ, какъ и для выѣзженныхъ лошадей, всѣ педантическія ученія обращаются въ невзгону, и которые въ этихъ ученьяхъ не видятъ другой цѣли, какъ соблюденіе разъ установленнаго порядка, и потому теряютъ охоту къ занятіямъ.

Въ кавалерійскомъ солдатѣ, по роду его службы въ военное время, непременно надобно развить самостоятельность, которой онъ не приобрѣтетъ при нынѣшнемъ способѣ его обученія въ мирное время. Сколько случаевъ являетъ война, гдѣ кавалеристъ съ своею лошадыю предоставленъ самому себѣ, а между тѣмъ, въ мирное время онъ самъ и особенно лошадь его находятся въ такой опекѣ, что къ военному времени оказываются вовсе неприготовленными. Это происходитъ главнѣйше оттого, что на лошадь у насъ смотрятъ почти такъ же, какъ на всякую смотровую вещь, которую, до требованія начальника, слѣдуетъ хранить въ цейхаузѣ. Такое недовѣріе относительно умѣнья беречь лошадь обидно для солдатъ, которымъ поручается охраненіе спокойствія края, какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ. Вообще въ кавалеріи встрѣчаются многія особенности, требующія возможной самостоятельности, не только каждаго офицеръ, но и рядоваго, и эти-то особенности характеризуютъ спеціальность кавалеріи, какъ отдѣльнаго рода войска.

Вольтжированіе въ кавалеріи несравненно полезнѣе всякихъ

выправокъ. Имъ слѣдуетъ заниматься на деревянной и живой лошади. Оно чрезвычайно развязываетъ людей и особенно нравится солдатамъ. Черезъ волтижированіе они скорѣе успѣвають въ верховой ѣздѣ, сидятъ крѣпче, смѣлѣе ѣздятъ и усваиваютъ себѣ мысль, что препятствія для кавалеріи не существуютъ. Гдѣ представляется возможность, надобно обучать солдатъ переходить рѣки вплавь, держась за лошадей. Тогда сломанный мостъ не задержитъ кавалерію.

Если задней шеренгѣ во всей нашей кавалеріи дадутъ наръзныя ружья, то мѣткость стрѣльбы должна имѣть въ кавалеріи такое же значеніе, какъ и въ стрѣлковыхъ баталіонахъ, и даже болѣе, потому что въ ней количество выстрѣловъ еще менѣе можетъ имѣть мѣста.

При фронтовомъ обученіи эскадрона, у насъ обращаютъ исключительное вниманіе на ломки фронта и различныя перестроенія, имѣющія цѣлю приготовить эскадронъ къ полковымъ и линейнымъ ученьямъ и для церемоніаловъ. Между тѣмъ, въ военное время, линейное употребленіе кавалеріи встрѣчается несравненно рѣже, чѣмъ обыденная служба кавалериста на аванпостахъ, разѣздахъ и рекогносцировкахъ. Къ этому у насъ ее почти и не готовятъ.

Аванпостная служба, самая тяжелая для кавалеріи, можетъ нѣсколько облегчиться отъ тѣхъ неуволнимыхъ сѣровокъ, которыя пріобрѣтаются лишь въ военное время, отъ постояннаго навыка. Во время войны, утрата каждаго человѣка, каждой лошади бываетъ чувствительнѣе, чѣмъ въ мирное, такъ какъ всѣ издержки по содержанію арміи въ мирное время клонятся къ тому, чтобы имѣть на случай войны войско, приспособленное къ дѣлу. Если же кавалерію вовсе не пріучать къ тѣмъ трудностямъ, которыя ей придется испытывать съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, то она неминуемо начнетъ таять, т. е. будетъ войскомъ для мирнаго времени.

Въ мѣстахъ квартирнаго расположенія эскадроновъ необходимо требовать, чтобы разъ въ недѣлю выставлялись аванпосты, несмотря ни на какую погоду, за исключеніемъ развѣ вьюгъ и жестокихъ морозовъ, и непремѣнно на цѣлыя сутки. Во время полковыхъ и дивизионныхъ сборовъ, аванпостная служба должна исполняться постоянно днемъ и ночью, а чтобы при исполненіи ея не встрѣчались уклоненія со стороны самихъ офицеровъ, чтобы пріучить какъ начальниковъ, такъ и нижнихъ чиновъ смо-

трѣть на нее какъ на весьма важную часть своихъ обязанностей, необходимо постановить правило, что нарушение обязанностей аванпостной службы судится полевымъ уголовнымъ судомъ, какъ и въ военное время. Очень можетъ быть, что эта игра покажется кому либо жестокою, но я увѣренъ, что примѣры примѣненія ея будутъ такъ же рѣдки, какъ и въ морской службѣ. Между тѣмъ, ручаюсь, что наша кавалерія чрезъ это была бы образцовою въ отношеніи дѣйствій малой войны, скорѣе усвоила бы себѣ тѣ качества, которыя должны быть принадлежностію лучшей кавалеріи.

Какъ эскадронные сборы должно понимать средствомъ для обученія солдата всему тому, что онъ долженъ знать, такъ полковые и дивизионные сборы должны служить школой всего того, что обязана знать кавалерія для военнаго времени. Поэтому характеръ нашихъ сборовъ, приготовляющихъ кавалерію лишь къ смотрамъ — къ церемоніалу и линейному учению — одобрить нельзя. Имѣя постоянные аванпосты, посылая развѣзды и дѣлая рекогносцировки, при чемъ обязать офицеровъ представлять глазомѣрно снятые планы пройденной ими мѣстности, необходимо выводить на ученія полкъ или дивизию по тревогѣ, объяснять предположеніе маневра, тутъ же на мѣстѣ, въ отдѣльныхъ запискахъ или словесныхъ приказаніяхъ начальникамъ, высылать подкрѣпленія, стягивать аванпосты и, наконецъ, собравъ весь полкъ или дивизию, произвести ученье. Такія ученья должны имѣть смыслъ: пусть видятъ въ нихъ не бесполезное *толченіе воды, а боевую цѣль*. Не слѣдуетъ также утомлять людей и лошадей замѣчаніями ошибокъ и непрерывными *отставъ*, вовсе не случающимися въ военное время: всѣ замѣчанія надо отдавать приказомъ по полку или по дивизиі. Тогда люди, выходя на ученья по тревогѣ, дѣлаемой въ разное время дня, безъ предупрежденія, пріучались бы къ чисто-военнымъ требованіямъ, къ пониманію значенія самаго ученья; каждая часть не тратила бы цѣлыхъ часовъ на равеніе: ее прямо вводили бы въ предполагаемый бой; люди не утомлялись бы: они были бы заинтересованы ученьемъ и смотрѣли бы на военное дѣло съ охотою. Ученья этого рода не должны быть продолжительны: надобно, чтобы они отличались живостію и кончались скоро.

Полки въ сборѣ должны стоять бивуакомъ, лошади въ коновязяхъ. Въ аванпосты сѣдлатъ лошадей съ тою тяжестію,

какую имъ назначено имѣть въ военное время. За фуражемъ посылать цѣлыя эскадроны или части, равно и за дровами, предполагая, что эти предметы должны быть въ странѣ неприятельской, во первыхъ, для того, чтобы приучить къ правиламъ производства фуражировки, во вторыхъ съ тою цѣлю, чтобы нижніе чины выучились вязать китки изъ сѣна и не растрчивать его при передвиженіи.

Во время ученій чаще разсыпать кавалерію и потомъ вновь ее собирать, чтобы изъ всякаго разстроеннаго положенія она приучалась быстро переходить въ стройное наступленіе и дѣлать его на большомъ протяженіи. Всѣ такія перестроенія превосходно выполняются въ войскахъ Своднаго Кавалерійскаго Корпуса, по указанію опытнаго начальника его, барона Офенберга.

Движенія на ученьяхъ должны быть исполнены полными, то есть несдержанными аллюрами, чтобы шагъ былъ настоящимъ шагомъ, рысь — рысью, галопъ — растяжнымъ галопомъ. Атаку дѣлать за 1,500 шаговъ, такъ какъ съ этого разстоянія начинается дѣйствительность пѣхотнаго огня. Для этого изъ прибавленной рыси слѣдуетъ перейти въ большой галопъ и послѣдніе 500 шаговъ проскакать въ карьеръ. Лошади, не могущія выполнить такой задачи, должны быть обрakovаны.

Разсыпной строй кавалеріи можно сравнить съ картечью артиллеріи, а сомкнутыя атаки съ дѣйствіемъ ея ядрами. Какъ артиллерія мѣняетъ свои снаряды, такъ и кавалерія должна мѣнять свой строй при атакахъ. Дѣйствіе же кавалеріи можно считать въ томъ отношеніи болѣе существеннымъ, что, кромѣ непосредственнаго пораженія неприятеля, она опрокидываетъ его, забираетъ людей, штандарты и пушки и утверждаетъ побѣду.

Пѣхота, какъ основная сила, по численности своей въ составѣ армій, имѣетъ начальниковъ и свои управленія, которыми подчиняютъ артиллерію, саперъ и кавалерію. Въ управленіяхъ армій есть начальники артиллеріи и инженеровъ, а кавалерія отдается въ завѣдываніе корпусныхъ командировъ, которые нерѣдко, какъ и ихъ управленія, не имѣютъ понятія о матеріальныхъ нуждахъ ея. Потому начальнику кавалерійской дивизіи приходится быть въ постоянныхъ столкновеніяхъ, отстаивая интересы кавалеріи, требуя или отмиженія распоряженій, уничтожающихъ кавалерію, или какихъ либо разрѣшеній, которыя во власти корпуснаго командира, но которыя онъ не рѣшается дозволить, по незнанію положеній о кавалеріи и самыхъ свойствъ ея.

Отчасти мы должны быть довольны уменьшеніемъ кавалеріи: это обѣщаетъ, что въ военное время ею будутъ болѣе дорожить и болѣе беречь, не отдавая судьбу ея случайнымъ распоряженіямъ незнакомыхъ съ кавалеріею начальниковъ.

Вообще я того мнѣнія, что чѣмъ болѣе въ мирное время бываетъ требованій отъ войска, вполне сообразныхъ съ условіями войны, и чѣмъ менѣе налагается на служащихъ обязанностей, неисполнимыхъ въ военное время, тѣмъ войска стоять выше. Поэтому я полагаю вполне справедливымъ, въ числѣ прочихъ упражненій кавалеріи, приучать ее къ усиленнымъ переходамъ. Стоило бы только дозволить начальникамъ дивизій собирать полки къ какому либо мѣсту въ расположеніи ихъ дивизій, когда имъ вздумается, лишь бы такіе сборы не были сопряжены съ издержками отъ казны или земства. Последнее вполне возможно, потому что на короткій срокъ войска могутъ обойтись своимъ обозомъ, фуражъ покупать на отпускаемыя казною деньги, а людей продовольствовать изъ котла. Это обстоятельство дозволило бы начальникамъ дивизій видѣть свои части чаще, чѣмъ теперь, въ полномъ составѣ, потому что, во время осеннихъ инспекторскихъ смотровъ, полки стоятъ разбросанно, по эскадронамъ, слѣдовательно нѣтъ возможности осмотрѣть рѣшительно всѣхъ людей.

Точно также, въ видахъ боевого образованія кавалеріи, считаю весьма полезнымъ поочередное назначеніе на пограничную линію, въ помощь таможенной стражѣ. Но служба эта должна продолжаться для каждаго полка не болѣе года: въ это время онъ не отстанетъ отъ другихъ сторонъ своего боевого образованія и чаще будетъ смѣняться.

Кончаю эти строки, вызванныя желаніемъ печатно подѣлиться своими убѣжденіями. Можетъ быть, инья изъ нихъ и достигнуть своей цѣли — будутъ приняты кавалеріею, которой я посвятилъ сорокъ лѣтъ жизни и которой желаю всего лучшаго.

Генералъ-адъютантъ графъ РЖЕВУСКІЙ.